

Y3BI

18+

Strange Ghosst

УЗЫ

<https://litres.ru/74502122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

«УЗЫ»

Дарк-роман-фэнтези. Книга первая.

Она похоронила его четыре года назад. Оплакала. Отпустила. Ашер пришёл в Кар-Анну, зная её имя раньше, чем увидел лицо. Он согласился на ритуал: их свяжут Узы — магическая клетка, что даёт силу и медленно убивает обоих. Разорвать можно лишь смертью, забвением или обменом. Все три — приговор.

Но мёртвый возвращается. Рэн жив. Он был в темноте. Он ждал. И он идёт за ней.

Эйра окажется между двумя мужчинами: одним — из прошлого, которое она оплакала, другим — из настоящего, которое не выбирала. Ни один не отпустит её добровольно.

А на дне моря спит то, что создало Узы. То, что голодно. То, что не хочет умирать.

Любовь, которая убивает. Связь, от которой не уйти. Выбор, который всегда делается слишком поздно.

Содержание

Глава 1. Пепел	4
Глава 2. Метка	10
Глава 3. Храм	14
Глава 4. Первая ночь	18
Глава 5. Кровь и память	27
Глава 6. Танец в темноте	37
Глава 7. Первая близость	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Strange Ghosst

Узы

Глава 1. Пепел

Дождь в Кар-Анне никогда не был просто дождём.

Он падал с неба цвета запёкшейся крови и оставлял на коже серые разводы, будто город пытался смыть с себя чужие грехи и не мог. Эйра стояла на пороге дома, который ей не принадлежал, и смотрела, как капли стекают по чугунной ограде. За оградой лежал труп.

Мужчина. Лет сорока. Горло перерезано так чисто, что казалось — это сделал не нож, а сама тьма. Кровь уже смешалась с дождевой водой и растеклась по брусчатке тёмной лужицей. Никто не спешил его убирать. В Кар-Анне мертвецы лежали на улицах до утра — таков был порядок. Убирать их днём означало привлекать внимание. А внимание здесь стоило дорого.

Эйра переступила через тело и толкнула дверь.

Внутри пахло ладаном и железом. Дом принадлежал женщине по имени Мэйра — травнице, которая знала слишком много и умерла слишком рано. Эйра нашла её тело в спальне. Та лежала на кровати, сложив руки на груди, будто сама уложила себя перед смертью. На тумбочке — свеча, догорев-

шая до основания, и письмо.

Эйра развернула бумагу. Почерк был дрожащий, но разборчивый.

«Если ты читаешь это, значит, я не успела. Узы можно разорвать. Но не так, как ты думаешь. Не смертью. Смерть — это ложь, которую нам говорили. Найди его. Того, кто носит метку. Он знает. Прости меня.»

Эйра перечитала трижды. Потом сложила письмо и спрятала за пазуху.

Она не плакала. Она давно разучилась. Последний раз она плакала четыре года назад — когда умер Рэн. Когда Узы, связывавшие их, оборвались, и она почувствовала, как часть её души вырвали с корнем. С тех пор внутри неё осталась только пустота и холодная, тихая ярость.

— Значит, ты знала, — прошептала она, глядя на мёртвую Мэйру. — Знала и молчала.

Свеча погасла. Эйра осталась в темноте.

Она вышла из дома, когда дождь усилился. Тело мужчины у ограды уже кто-то обыскивал — двое мальчишек лет двенадцати, быстрые, как крысы. Они бросили на неё настороженный взгляд и исчезли в переулке. Эйра не стала их останавливать. В этом городе каждый выживал как мог.

Она шла по улицам, не разбирая дороги. Мысли путались. «Найди его. Того, кто носит метку.» Метка Узов — это не татуировка и не шрам. Это нечто глубже. Знак на самой душе, который виден только тем, кто уже был связан. Эйра ви-

дела такие метки. Редко. Но видела.

И она знала, что означает эта просьба.

Найти того, кто носит метку, — значит найти того, кто тоже потерял своего партнёра. Или того, кто ещё не связан, но предназначен. В любом случае — это путь к новой боли. К новым Узам. К новой смерти.

— Я не хочу, — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

Но ноги уже несли её в сторону порта. Туда, где ошивались наёмники, контрабандисты и все те, кто продавал себя за деньги. Слухи в Кар-Анне стоили дешевле хлеба, но правда — дороже жизни. И если кто-то знал о человеке с меткой, то только там.

Порт встретил её запахом гнилой рыбы и мокрого дерева. Корабли стояли на приколе — сезон штормов, никто не рисковал выходить в море. В тавернах былолюдно. Эйра толкнула дверь одной из них — «Соляной палец», заведение с дурной репутацией даже по меркам Кар-Анны.

Внутри пахло дымом и перегаром. Играли в кости, пили, договаривались о чём-то, что не предназначено для чужих ушей. Эйра прошла к стойке. Хозяин — грузный мужчина с обожжённой щекой — взглянул на неё без интереса.

— Что надо?

— Информация.

— Плати.

Эйра положила на стойку серебряную монету. Мужчина сгрёб её и кивнул.

— Слушаю.

— Ищу человека с меткой Узов. Мужчина. Возраст — около тридцати. Возможно, наёмник. Возможно, убийца.

Хозяин хмыкнул.

— Полгорода подходит под это описание.

— У него должна быть метка. На теле. Или на душе. Не знаю, как это выглядит со стороны.

Мужчина задумался. Потом наклонился ближе.

— Есть один. Не наёмник. Не убийца. Но... странный. Появился в городе месяц назад. Снимает комнату у старой Лиссы на Западной. Ни с кем не разговаривает. Платит золотом. И... — он понизил голос. — Говорят, у него глаза как у мертвеца. Люди боятся с ним связываться.

— Имя?

— Не знаю. Но Лисса зовёт его Ашер.

Эйра кивнула и вышла.

Западная улица была тише остальных. Здесь жили те, кто не хотел привлекать внимание. Дома стояли плотно, окна занавешены, двери заперты. Эйра нашла дом Лиссы — третий от угла, с покосившейся табличкой и горшком засохших цветов на подоконнике.

Она не стала стучать. Просто толкнула дверь.

Внутри было темно. Свеча горела только в дальней ком-

нате. Эйра прошла по коридору, чувствуя, как что-то внутри неё напрягается. Предчувствие. Или страх. Или что-то древнее, что жило в её крови и узнавало себе подобное.

Она открыла дверь.

Он сидел у окна. Спина к ней. Тёмные волосы, широкие плечи, длинные пальцы, сжимающие нож. На столе перед ним лежала карта Кар-Анны, испещрённая пометками. Он не обернулся, но Эйра знала — он почувствовал её. Так же, как она почувствовала его.

— Ты долго, — сказал он.

Голос был низкий, ровный. Без эмоций.

— Ты меня ждал? — спросила она.

— Я ждал кого-то. — Он повернулся.

И Эйра замерла.

Глаза. Серые, почти прозрачные, как вода в зимней реке. В них не было ни страха, ни любопытства, ни жизни. Только холодная, абсолютная пустота. И в этой пустоте она увидела своё отражение.

Он смотрел на неё так, будто знал её всю жизнь. Будто ждал именно её. Будто она была его приговором.

— Ты Эйра, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

— Откуда ты знаешь?

— Метка. — Он поднял руку и коснулся своей груди. — Я чувствую тебя. Так же, как ты чувствуешь меня.

Эйра сделала шаг назад.

— Нет.

— Да.

— Я не хочу.

— Я тоже.

Они стояли друг напротив друга. Двое незнакомцев, связанных чем-то, чего не должно было случиться. Дождь стучал по стеклу. Свеча дрожала.

— Мэйра мертва, — сказала Эйра. — Она оставила письмо. Сказала, что Узы можно разорвать. Не смертью.

Ашер медленно кивнул.

— Я знаю. Поэтому я здесь.

— Ты знаешь, как?

— Нет. Но я знаю, кто знает.

Он поднялся. Высокий. Опасный. Каждое движение — как у хищника, который не тратит сил зря. Эйра почувствовала, как Узы — ещё не созданные, но уже натянутые, как струна, — звенят между ними.

— Кто? — спросила она.

Ашер посмотрел на неё. И в его глазах на мгновение мелькнуло что-то живое. Боль. Или страх. Или сожаление.

— Тот, кто нас связал, — сказал он. — И он не хочет, чтобы мы это разорвали.

Глава 2. Метка

Он не предложил ей сесть. Не предложил чаю. Просто вернулся к столу и продолжил изучать карту, будто её появление ничего не изменило. Эйра осталась стоять в дверях. Узы — тонкие, почти невидимые — натянулись между ними, как паутина. Она чувствовала его. Не как человека. Как присутствие. Как тепло, которое не должно было быть тёплым.

— Ты собираешься стоять там всю ночь? — спросил он, не поднимая головы.

— Я собираюсь понять, кто ты.

— Ашер. — Он произнёс своё имя так, будто оно ничего не значило. — Наёмник. Убийца. Бывший узник Кар-Аннской тюрьмы. Бывший носитель Узов. Теперь — просто человек, который хочет умереть.

Эйра приподняла бровь.

— Хочешь умереть?

— Все мы хотим. Рано или поздно. — Он наконец поднял на неё глаза. — Ты ведь тоже.

Она не ответила. Потому что он был прав.

Она подошла к столу. Карта была исчеркана линиями и крестиками. Один крестик стоял над старым храмом на восточной окраине города. Другой — над портовым складом. Третий — над домом, где она только что нашла тело Мэйры.

— Ты был там, — сказала она. — Ты видел её тело.

— Я нашёл её первым.

— И не забрал письмо?

— Письмо было для тебя. — Он пожал плечами. — Я не ворую чужие послания.

Эйра задумалась. Она не доверяла ему. Не могла доверять. Но Узы уже сделали своё дело — она чувствовала его боль так же ясно, как свою. И в этой боли было что-то знакомое. Что-то, что она видела в зеркале каждый день.

— Кто ты потерял? — спросила она тихо.

Ашер замер. Его пальцы сжали край стола так, что костяшки побелели.

— Сестру, — сказал он. — Её звали Лиан. Она была связана со мной Узами. Мы не знали, что это значит. Думали, это дар. Оказалось — проклятие. Она умерла через год. Я чувствовал, как она уходит. Каждую секунду. Каждый вдох. А потом... — он замолчал. — Потом ничего.

Эйра опустилась на стул напротив него. Впервые за долгое время ей захотелось что-то сказать. Не чтобы утешить. Чтобы разделить.

— Рэн, — сказала она. — Его звали Рэн. Мы были вместе два года. Он был... светлым. Слишком светлым для этого города. Он умер, потому что Узы выпили его до дна. Я не успела ничего сделать.

Ашер посмотрел на неё. Долго. Без жалости. Без сочувствия. Просто смотрел.

— Значит, мы оба прокляты, — сказал он.

— Значит, мы оба прокляты, — повторила она.

Тишина между ними была не пустой. Она была полной. Полной того, что они не говорили. Полной воспоминаний, которые не хотели уходить.

Потом он встал и подошёл к ней. Близко. Слишком близко. Узы зазвенели — громче, настойчивее. Эйра почувствовала, как её тело реагирует раньше разума. Сердце быстрее. Дыхание глубже. Кожа — горячее.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Проверяю, — сказал он.

— Что?

— Насколько сильно мы связаны.

Он коснулся её лица. Просто. Кончиками пальцев. Но Эйра вздрогнула так, будто он ударил её. Это было не прикосновение. Это было узнавание. Как будто её тело знало его тело задолго до этой встречи. Как будто они были созданы из одного куска тьмы.

— Прекрати, — сказала она. Но не отстранилась.

— Я не могу, — сказал он. — И ты не можешь.

Он наклонился. Она не отступила. Его губы почти коснулись её губ. Между ними оставалось расстояние в один вдох. Один удар сердца. Одна секунда, которая решила бы всё.

И он остановился.

— Нет, — сказал он. — Не так. Не сейчас.

Он отошёл. Эйра осталась стоять, чувствуя, как колотится сердце. Как горят щёки. Как внутри неё что-то кричит — от ярости, от желания, от страха.

— Почему? — спросила она.

— Потому что если мы сделаем это сейчас, — сказал он, глядя в окно, — мы уже не сможем разорвать Узы. Никогда.

Глава 3. Храм

Они вышли из дома Лиссы за час до рассвета. Дождь прекратился, но воздух остался влажным и тяжёлым. Кар-Анна спала — или делала вид, что спит. На улицах было пусто. Только редкие тени скользили у стен, и Эйра знала: за ними наблюдают. В этом городе всегда за кем-то наблюдали.

Ашер шёл впереди. Быстро, уверенно. Он знал дорогу. Эйра следовала за ним, держась на расстоянии. Узы натягивались, когда она отставала, и ослабевали, когда она приближалась. Это было похоже на поводок. На цепь. На что-то, что она ненавидела всем сердцем.

— Куда мы идём? — спросила она.

— В храм.

— В храм Погасших Богов?

— Да.

Эйра остановилась.

— Туда никто не ходит.

— Поэтому там нас никто не будет искать.

Храм Погасших Богов стоял на восточной окраине города, за старым кладбищем. Когда-то это было величественное здание с золотыми куполами и витражами. Теперь — руины. Стены обвалились, крыша провалилась, а внутри поселились тени, которые не любили свет. Говорили, что там обитают духи мёртвых богов. Говорили, что тот, кто войдёт туда, не

выйдет обратно.

Эйра не верила в духов. Но она верила в опасность. И в то, что Ашер не стал бы рисковать без причины.

Они прошли через кладбище. Могилы были старые, заросшие травой. Некоторые плиты потрескались, имена стёрлись. Эйра смотрела на них и думала о Рэне. О том, что его могила — далеко отсюда. В другом городе. В другой жизни.

— Ты часто думаешь о нём? — спросил Ашер, не оборачиваясь.

— Каждый день.

— Я тоже. О Лиан.

— Это не проходит?

— Нет. — Он остановился у входа в храм. — Но становится тише. Как будто боль учится молчать.

Он толкнул дверь. Та поддалась с тяжёлым скрипом. Внутри пахло пылью и старой кровью. Эйра вошла следом.

Храм был разрушен, но не мёртв. В воздухе висело что-то — древнее, тёмное, живое. Стены были покрыты символами, которые Эйра не понимала. Но она чувствовала их. Как чувствовала Узы. Как чувствовала Ашера.

— Здесь, — сказал он. — Здесь был ритуал.

— Какой ритуал?

— Тот, который нас связал.

Эйра посмотрела на пол. В центре зала был вырезан круг. Внутри круга — символы. Те же, что и на стенах. И в центре — пятно. Тёмное. Засохшее. Кровь.

— Чья это кровь? — спросила она.

— Моя, — сказал Ашер. — И твоя.

Эйра отшатнулась.

— Что?

— Ты не помнишь. Но это было. Кто-то взял твою кровь.

И мою. И связал нас. Задолго до того, как мы встретились.

— Кто?

— Я не знаю. Но он оставил послание.

Ашер указал на стену. Там, среди символов, была надпись. Свежая. Написанная кровью.

«Вы не разорвёте Узы. Вы можете только умереть. Или убить. Выбор за вами.»

Эйра прочитала. Потом перечитала. Потом посмотрела на Ашера.

— Это ловушка.

— Да.

— Мы должны уйти.

— Да.

Они не двинулись с места.

Потому что оба знали: уйти не получится. Узы уже держали их. Крепче, чем цепи. Крепче, чем смерть.

— Что теперь? — спросила Эйра.

Ашер посмотрел на неё. В его глазах не было ответа. Только тьма. И что-то ещё. Что-то, что она не хотела называть.

— Теперь мы найдём того, кто это сделал, — сказал он.

— И убьём его.

— А потом?

— А потом... — он замолчал. — Потом посмотрим, кто из нас умрёт первым.

Глава 4. Первая ночь

Дом Лиссы был старым. Не ветхим — именно старым, как всё в Кар-Анне, что пережило больше хозяев, чем должно было. Стены здесь помнили чужие шёпоты, чужие слёзы, чужие тела. Эйра чувствовала это кожей, когда переступала порог. Или, может, это были Узы — тонкие, дрожащие, натянутые между ней и Ашером.

Они вернулись в комнату на втором этаже. Ту самую, где он сидел у окна с картой. Свеча почти догорела. За окном Кар-Анна тонула в тумане — сером, густом, как молоко, смешанное с пеплом.

— Здесь одна кровать, — сказала Эйра, оглядев комнату.

— Я знаю.

— И ты не подумал предупредить?

— Я думал, ты не останешься. — Ашер снял плащ и повесил его на спинку стула. — Ты могла уйти в любой момент.

— Не могла. Ты знаешь это.

Он не ответил. Просто расстегнул рубашку — медленно, без спектакля, как человек, который делает это каждый день. Эйра отвернулась. Слишком резко. Слишком поздно.

Узы дрогнули.

Это было странное ощущение — как будто внутри груди натянули струну и тронули её пальцем. Не больно. Но так, что невозможно не заметить. Эйра почувствовала, как её ды-

хание сбилося на полтакта. Ашер за её спиной замер. Он тоже почувствовал.

— Ты напряжена, — сказал он.

— Я всегда напряжена. Это не связано с тобой.

— Связано. Я чувствую.

Она обернулась. Он стоял у кровати, рубашка расстёгнута, на груди — шрам. Длинный, старый, от левого плеча до правого бедра. След от чего-то, что едва не убило его. Эйра смотрела на этот шрам дольше, чем следовало. И он это видел.

— Ложись, — сказал он. — Я не трону тебя.

— Я не боюсь, что ты меня тронешь.

— А чего боишься?

Она не ответила. Потому что ответ был слишком честным: она боялась, что он не тронет. Что этой ночью ничего не случится, и она снова останется одна в своей пустоте. Боялась, что Узы — это только иллюзия, а на самом деле между ними ничего нет. Боялась, что утром он снова станет незнакомцем.

Она легла на кровать. На самый край. Лицом к стене. Спиной к нему. Так, чтобы между ними осталось пространство. Достаточно для того, чтобы притвориться, что они не вместе.

Ашер лёг следом. Медленно. Тяжёлый матрас прогнулся под ним, и Эйра почувствовала, как её тело наклонилось в его сторону — против воли, против разума. Она вцепилась в край кровати.

— Расслабься, — сказал он. Голос был ровным. Слишком ровным.

— Я не могу.

— Можешь.

— Не могу, потому что чувствую тебя. Каждое твоё движение. Каждый вдох. Это... — она замолчала.

— Это что?

— Это невыносимо.

Тишина. Долгая. За окном ветер ударил в стекло, и оно задрезжалось. Свеча догорела до конца и погасла. Комната погрузилась в темноту — не полную, а ту, что бывает перед рассветом, когда мир ещё не решил, кто он.

— Я тоже чувствую тебя, — сказал Ашер в темноте. — Твоё сердце. Оно бьётся быстрее, чем должно.

— Это из-за тебя.

— Я знаю.

Она услышала, как он повернулся на бок. К ней. Его дыхание коснулось её затылка. Тёплое. Живое. Эйра закрыла глаза.

— Расскажи мне о Лиан, — сказала она.

Он помолчал. Потом заговорил. Тихо. Так, как говорят о мёртвых — без пафоса, без жалости к себе, просто потому что молчать больше не получается.

— Она была младше меня на четыре года. Светлые волосы. Глупый смех. Она любила собирать цветы — даже здесь, в Кар-Анне, где цветы не растут. Находила их на свалках, в

трещинах стен, между камнями. Приносила домой. Ставила в кружку. Говорила, что если цветок выжил, значит, и мы выживем. — Он замолчал на секунду. — Узы проявились, когда ей было девятнадцать. Мне — двадцать три. Мы не знали, что это. Думали, это знак. Боги выбрали нас. Мы были счастливы. Первый месяц. Второй. А потом она начала слабеть. Сначала просто уставала. Потом перестала вставать с кровати. Потом перестала говорить. Я носил её на руках. Кормил с ложки. Каждую ночь я засыпал рядом с ней и слушал, как её дыхание становится тише. Тише. Тише. А потом наступила тишина.

Эйра слушала. Не перебивала. Её глаза были открыты, но она не видела стен. Она видела Рэна. Как он лежал на больничной койке в их маленькой квартире на окраине Вэйрна. Как он улыбался, хотя уже не мог говорить. Как он сжимал её руку до последнего. И как потом рука разжалась.

— Я не смогла его спасти, — сказала она. — Я была уверена, что если найду лекарство, если найду способ... Я искала три года. Три года после его смерти. И ничего.

— Ты не виновата.

— Я знаю. Но это не помогает.

— Не помогает, — согласился он. — Ничего не помогает. Ни вино, ни драки, ни чужие тела. Я пробовал всё. Каждую ночь я ложусь спать и думаю: может, завтра будет легче. И каждое утро просыпаюсь с той же дырой в груди.

Эйра повернулась. К нему. Лицом к лицу. В темноте она

видела только контур его лица — высокие скулы, тёмные волосы, тени под глазами. Но этого было достаточно.

— Ты чувствуешь её до сих пор? — спросила она.

— Каждый день. — Он замолчал. — А теперь ещё и тебя.

И это... странно.

— Что странно?

— Что это не заменяет. Не лечит. Но... — он подбирал слова. — Но становится тише. Как будто боль учится молчать. Я говорил тебе это в храме. И это правда.

Он поднял руку. Медленно. Так, чтобы она успела отстраниться. Она не отстранилась. Его пальцы коснулись её щеки. Прохладные. Чуть шершавые. Эйра закрыла глаза.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

— Ничего.

— Это не ничего.

— Это просто прикосновение.

— Это не просто прикосновение.

Он убрал руку. Но она поймала его пальцы. Своими. И не отпустила.

— Не убирай, — сказала она. — Пожалуйста.

Он снова коснулся её лица. На этот раз — ладонью. Большой, тёплой, покрытой мозолями. Эйра прижалась к этой ладони. Как будто искала в ней что-то. Убежище. Или прощение. Или просто тепло.

— Эйра.

— Что?

— Если я поцелую тебя сейчас...

— То что?

— То мы не сможем остановиться.

Она открыла глаза. В темноте его взгляд был тяжёлым. Не голодным. Скорее — обречённым. Как у человека, который стоит на краю и знает, что шагнёт. Рано или поздно. Так или иначе.

— А если я хочу, чтобы ты не останавливался? — спросила она.

— Тогда мы оба пожалеем.

— Я уже жалею. Обо всём. О том, что встретила тебя. О том, что не встретила раньше. О том, что не могу уйти. О том, что не хочу уходить.

Он поцеловал её.

Не резко. Не грубо. Медленно. Так, как будто проверял — настоящая ли она. Так, как будто боялся, что она исчезнет, если он поторопится. Его губы были тёплыми. Сухими. Чуть солёными — от пота или от дождя. Эйра ответила. Сначала робко. Потом — глубже. Она запустила пальцы в его волосы. Он выдохнул ей в рот — тихо, судорожно, как человек, который слишком долго не дышал.

Узы задрожали. Между ними — тонкая нить, которая вдруг стала толще. Ярче. Горячее. Эйра почувствовала, как тепло разливается по телу. От груди — к животу. От живота — ниже. Она никогда не чувствовала ничего подобного. Даже с Рэном. Даже в самые близкие моменты. Это было дру-

гое. Это было как огонь под кожей.

— Ты уверена? — спросил он, отстранившись на волосок.

— Нет, — честно сказала она. — Но я хочу.

— Это не одно и то же.

— Сегодня — одно.

Он снова поцеловал её. На этот раз — глубже. Настоящее. Его рука легла ей на талию. Пальцы сжали ткань платья. Эйра выгнулась — неосознанно, телом, не разумом. Он застонал. Тихо. Гортанно. И этот звук отозвался в ней чем-то древним. Чем-то, что спало четыре года и теперь проснулось.

Он расстегнул её платье. Медленно. Пуговица за пуговицей. Не глядя — на ощупь, в темноте. Эйра помогала ему. Пальцы дрожали. Не от страха. От чего-то другого. От того, что она так долго не позволяла себе чувствовать.

Платье упало на пол. Следом — рубашка. Он был тёплый. Весь. Кожа к коже. Эйра прижалась к нему, и Узы вспыхнули — ярко, обжигаяще. Она вскрикнула. Не от боли. От переизбытка. Слишком много. Слишком близко. Слишком всё.

— Тише, — прошептал он. — Я здесь.

— Я знаю. — Она вцепилась в его плечи. — Я знаю.

Он целовал её шею. Ключицы. Грудь. Медленно. Каждый поцелуй — как клеймо. Как обещание. Как приговор. Эйра запуталась в его волосах. В его запахе. В его тепле. Она не думала о том, что будет утром. Не думала о том, что они делают. Не думала ни о чём, кроме того, что его руки на её теле — это единственное, что имеет значение.

Когда он вошёл в неё, она вскрикнула. Громко. Не от боли — от узнавания. Как будто её тело ждало этого. Как будто оно знало его задолго до встречи. Узы зазвенели — так громко, что, казалось, их слышит весь город. Ашер замер.

— Больно? — спросил он.

— Нет.

— Тогда почему ты плачешь?

Она не заметила, что плачет. Слёзы текли по щекам — тихие, беззвучные. Она не понимала, откуда они. Из прошлого. Из настоящего. Из того, что она так долго держала внутри.

— Не останавливайся, — сказала она. — Пожалуйста.

Он не остановился.

Это было не быстро. Не грубо. Он двигался медленно. Так, как будто они делали это в последний раз. Так, как будто каждый толчок — это прощание. Эйра отвечала ему. Всем телом. Всеми руками. Всеми губами. Она целовала его лицо. Его шею. Его шрам. Она говорила его имя — шёпотом, как молитву. Он говорил её имя — хрипло, как признание.

Узы горели. Между ними — огонь, который не должен был существовать. Но он был. И он пожирал их. Слоёк за слоём. Пока не осталось ничего, кроме этого мгновения. Кроме этих рук. Кроме этого тепла.

Когда всё закончилось, они лежали рядом. Мокрые. Дрожащие. Не говоря ни слова. Эйра положила голову ему на грудь. Слушала его сердце. Оно билось быстро. Слишком быстро для человека, который только что получил удоволь-

ствие. Оно билось так, как бьётся сердце человека, который знает, что совершил ошибку. И не жалеет.

— Ты плачешь, — сказал он.

— Да.

— Почему?

— Потому что я счастлива, — прошептала она. — Впервые за четыре года. И я знаю, что это не продлится.

Он ничего не сказал. Просто обнял её крепче. И она почувствовала, как его губы коснулись её волос. Легко. Как благословение. Или как прощание.

За окном начинался рассвет. Серый. Холодный. Кар-Анна просыпалась. Где-то вдалеке кричала птица. Где-то внизу хлопнула дверь. Мир возвращался к жизни. Но здесь, в этой комнате, время остановилось. И двое людей, связанных Узами, которые не должны были существовать, лежали в объятиях друг друга и молчали.

Они оба знали: этой ночью что-то изменилось. И это что-то уже нельзя было отменить.

Узы больше не были просто связью.

Они стали приговором.

Глава 5. Кровь и память

Эйра проснулась от холода.

Не от того холода, что бывает, когда одеяло сползло на пол. Другой. Внутренний. Тот, что живёт в костях и просыпается, когда что-то не так. Она открыла глаза и поняла две вещи одновременно.

Первая: Ашера рядом нет.

Вторая: Узы молчат.

Не оборвались — она всё ещё чувствовала его, где-то далеко, на грани восприятия. Но они больше не звенели. Не гудели. Не жгли. Они стали тихими, как затишье перед бурей. И это было хуже, чем боль.

Эйра села на кровати. Тело ныло. Между бёдер — тянущая, сладкая боль, напоминание о ночи. Она провела рукой по простыне. Там, где он лежал, ещё осталось тепло. Значит, ушёл недавно.

Она встала. Нашла своё платье на полу, натянула его через голову, не глядя. Вышла в коридор. Дом Лиссы был тих, но эта тишина была неправильной — как будто кто-то затаился и ждал.

Ашер стоял на кухне. У окна. Спина к ней. В руке — нож. Тот самый, с которым он сидел над картой. Но сейчас он не точил его и не чистил. Просто держал. Как держат что-то, что помогает не сойти с ума.

— Ты ушёл, — сказала Эйра.

— Мне нужно было подумать.

— О чём?

Он обернулся. Лицо было прежним — холодным, непроницаемым. Но глаза... глаза выдавали. В них была паника. Сдержанная, задавленная, но паника.

— О том, что мы сделали, — сказал он.

— И что же мы сделали?

— Мы связали себя. Окончательно. — Он положил нож на стол. — Узы больше нельзя разорвать. Ни смертью. Ничем. Мы теперь одно целое. До конца.

Эйра прислонилась к дверному косяку. Внутри всё сжалось.

— Ты знал это прошлой ночью.

— Да.

— И всё равно...

— Да.

Она замолчала. Смотрела на него. На человека, который только что признался, что сознательно подписал им обоим приговор. И не понимала: ненавидеть его или благодарить.

— Почему? — спросила она наконец.

— Потому что я устал, — сказал он. Просто. Без надрыва. — Я устал быть один. Устал просыпаться в пустой комнате. Устал делать вид, что мне всё равно. Я думал, что смогу. Что хватит силы воли. Что я смогу держаться от тебя на расстоянии, пока мы не найдём способ разорвать Узы. Но вчера...

— он замолчал. Потом закончил: — Вчера я понял, что не хочу их разрывать.

Эйра закрыла глаза.

— Ты эгоист.

— Да.

— Ты думал только о себе.

— Да.

— Ты не спросил меня.

— Ты была там. Ты не остановилась.

Она открыла глаза. Он смотрел на неё. Прямо. Без оправданий.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я знаю, что не остановилась. И я ненавижу себя за это.

— Не надо.

— Надо.

Она подошла к нему. Близко. Так, что между ними снова осталось расстояние в один вдох. Узы молчали, но она чувствовала его — всем телом. Как чувствуешь чужое сердцебиение через тонкую стену.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь мы идём к ведьме.

— К какой ведьме?

— К той, что живёт за городской стеной. В лесу. Её зовут Сайра. Она — единственная, кто ещё помнит, как создавались Узы. Может, она знает, как их разорвать. Даже неразрывные.

— Ты говорил, что разорвать нельзя.

— Я говорил, что нельзя разорвать смертью. — Он посмотрел ей в глаза. — Но есть другие способы.

Лес за городской стеной начинался сразу — без перехода. Кар-Анна заканчивалась резко, как будто кто-то отрезал её ножом, и дальше шли деревья. Тёмные. Скрюченные. Они росли так плотно, что не пропускали свет. Даже днём здесь было сумеречно.

Эйра шла следом за Ашером. Он двигался уверенно, как человек, который ходил этой дорогой не раз. Она не спрашивала, откуда он знает путь. У неё было чувство, что он знает многое, о чём ещё не рассказал.

— Кто такая Сайра? — спросила она.

— Ведьма. Живёт здесь уже лет сто. Может, больше. Никто не знает, сколько ей лет на самом деле. Говорят, она была одной из тех, кто создал Узы.

— Создал? Я думала, Узы — это проклятие.

— Всё, что создано, может быть проклятием. Или даром. Зависит от того, как использовать. — Он переступил через корень. — Сайра создала Узы для себя. Для своей сестры. Они хотели быть вместе навсегда. Они получили то, что просили. А потом поняли, что вечность — это не подарок.

— И что случилось?

— Сестра умерла. Через десять лет. Сайра живёт с этим уже сто. Узы не разорвались. Они превратились в нечто дру-

гое. В то, что нельзя назвать ни жизнью, ни смертью.

Эйра вздрогнула.

— И она поможет нам?

— Не знаю. Но она — наша единственная надежда.

Хижина появилась неожиданно. Маленькая, вросшая в землю, крытая мхом. Из трубы шёл дым — тонкий, серый. У двери висели пучки сушёных трав. Пахло чем-то сладким и гнилым одновременно.

Ашер постучал. Три раза. Медленно.

Дверь открылась сама.

Внутри было темно. Только очаг горел в центре комнаты, и у очага сидела женщина. Старая. Очень старая. Кожа как пергамент, волосы белые, глаза... Глаза были молодыми. Яркими. Живыми. И в них — та же пустота, что Эйра видела в зеркале каждое утро.

— Ашер, — сказала ведьма. Голос был скрипучий, как несмазанная дверь. — Ты привёл её.

— Ты знала, что мы придём.

— Я знала, что ты придёшь. С ней или без неё. — Сайра перевела взгляд на Эйру. — Подойди, дитя. Дай посмотреть.

Эйра подошла. Ведьма взяла её лицо в ладони — сухие, холодные, как камни. Долго смотрела. Потом отпустила.

— Ты уже была связана, — сказала она. — С другим. Он умер.

— Да.

— И ты думаешь, что сможешь разорвать новые Узы?

— Я надеюсь.

— Надежда — это яд, — сказала Сайра. — Сладкий, но яд. — Она повернулась к очагу. — Садитесь. Оба. Я расскажу вам то, что вы должны знать.

Они сели у огня. Сайра долго молчала. Смотрела в пламя. Потом заговорила.

— Узы — это не просто связь. Это обмен. Когда двое связываются, они делят между собой жизнь. Не поровну — как получится. Сильный забирает больше. Слабый отдаёт. Если один умирает, второй забирает остаток его жизни. Поэтому вы чувствуете друг друга. Поэтому вы не можете друг без друга. Вы — одно.

— Значит, разорвать нельзя? — спросила Эйра.

— Можно. Но не без потерь. — Сайра посмотрела на неё. — Есть три способа. Первый — смерть одного из вас. Тогда второй получит остаток жизни и будет жить дальше. Один. С пустотой внутри.

— Мы это знаем.

— Второй способ — забвение. Один из вас забывает другого. Полностью. Стирается всё: лицо, голос, имя, ночи, слова. Всё. Узы рвутся, потому что не к чему больше быть связанным. Но тот, кто забывает, теряет часть себя. Навсегда. Он больше никогда не сможет любить. Никого.

Эйра почувствовала, как Ашер напрягся рядом. Она не смотрела на него. Не могла.

— А третий? — спросила она.

Сайра улыбнулась. Улыбка была страшной — как трещина на льду.

— Третий способ — обмен. Вы отдаёте Узы другому. Тому, кто согласится их принять. Добровольно. Тогда вы свободны. Оба. Но тот, кто принимает Узы, получает и вашу боль. И вашу смерть. Рано или поздно.

— Кто согласится на такое?

— Никто. — Сайра снова уставилась в огонь. — Поэтому этот способ считается невозможным. Но он существует. Я видела его. Один раз. Давно.

Тишина. Долгая. Эйра смотрела на огонь и чувствовала, как внутри неё что-то рушится. Три способа. Три приговора. Ни одного выхода.

— Ты можешь помочь нам? — спросил Ашер.

— Я могу рассказать вам, как найти того, кто наложил Узы, — сказала Сайра. — Он — ключ. Без него вы не сможете сделать ничего.

— Кто он?

Ведьма подняла руку. Указала на Эйру.

— Спроси её.

Эйра замерла.

— Что?

— Ты его знаешь. — Голос Сайры стал тише. — Ты думаешь, что он мёртв. Но он жив. И он ждёт тебя.

Кровь отхлынула от лица Эйры. Она вцепилась в колени,

чтобы не упасть. Ашер повернулся к ней. В его глазах — вопрос. Но она не могла ответить. Не могла говорить. Потому что в её голове было только одно имя. То самое. Которое она четыре года пыталась забыть.

— Рэн, — прошептала она. — Он жив.

Обратная дорога прошла в молчании. Эйра шла, не разбирая дороги. Ашер шёл рядом. Не касался. Но она чувствовала, как Узы дрожат — не от холода, от его эмоций. Он сдерживался. Изо всех сил.

Когда они вышли из леса, солнце уже садилось. Кар-Анна лежала перед ними — серая, усталая, живая. Эйра остановилась.

— Ты ничего не спрашиваешь, — сказала она.

— Спрашивать нечего. — Голос был ровным. — Ты расскажешь, когда сможешь.

— Я должна рассказать сейчас.

— Не должна.

— Должна. — Она повернулась к нему. — Рэн... тот, с кем я была связана. Тот, кто умер. Он жив. Он наложил Узы. Он связал нас с тобой. Он всё это время был жив.

Ашер смотрел на неё. Долго. В его глазах не было ни злости, ни ревности. Только что-то тяжёлое. Что-то, что он носил с собой все эти годы.

— Ты любила его, — сказал он.

— Да.

— Ты всё ещё любишь?

Эйра закрыла глаза. Внутри была только пустота. И в этой пустоте — два имени. Одно — из прошлого. Другое — из настоящего.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Я ничего не знаю. Я думала, что он умер. Я оплакала его. Я похоронила его. А теперь... — она замолчала.

Ашер подошёл. Взял её за руку. Его пальцы были холодными. Но не чужими.

— Мы найдём его, — сказал он. — И заставим ответить. За всё. За Лиан. За Рэна. За нас.

— А если я не смогу?

— Сможешь. — Он сжал её руку. — Потому что я буду рядом. Что бы ни случилось.

Эйра посмотрела на него. На человека, с которым провела одну ночь. На человека, который связал себя с ней навсегда. На человека, который, возможно, умрёт из-за неё.

— Почему ты так добр ко мне? — спросила она.

— Потому что ты — единственное, что у меня осталось, — сказал он.

Он поцеловал её. Там, на краю леса, под серым небом Кар-Анны. Это был не тот поцелуй, что прошлой ночью. Не голодный. Не отчаянный. Тихий. Как обещание. Как клятва.

Узы дрогнули. И на этот раз — не от боли.

От чего-то другого.

От того, что Эйра боялась назвать.

Глава 6. Танец в темноте

Приглашение пришло на следующее утро.

Эйра нашла его под дверью дома Лиссы — конверт из чёрной бумаги, запечатанный воском цвета крови. Ни имени, ни адреса. Только герб: змея, кусающая свой хвост.

Она развернула письмо. Почерк был каллиграфический, ровный, будто его выводила не рука, а механизм.

«Лорд Ваэрон приглашает Вас на бал в своём особняке. Сегодня. Полночь. Дресс-код обязателен. Явка обязательна. Не заставляйте нас искать Вас.»

— Ваэрон, — сказал Ашер за её плечом. Он прочитал письмо, не спрашивая разрешения. — Один из семи городских лордов. Держит половину порта. Торгует всем, что приносит деньги. Людьми в том числе.

— И зачем ему мы?

— Не мы. — Он посмотрел на неё. — Ты.

Эйра нахмурилась.

— Почему я?

— Потому что он знает, кто ты. Или догадывается. — Ашер сложил письмо и убрал его в карман. — Ваэрон собирает коллекцию. Редкие вещи. Редкие люди. Редкие связи. Узы — это редкость. Ты — редкость.

— А ты?

— Я — приложение. — Он усмехнулся, но в усмешке не

было веселья. — Но он не знает, что мы связаны. Это наше преимущество.

— И что мы будем делать на балу?

— Смотреть. Слушать. Искать.

— Что искать?

— Того, кто знает о Рэне. — Ашер сказал это ровно, без эмоций. — Ваэрон — не просто лорд. Он — один из тех, кто финансировал ритуалы Узов. Если кто-то и знает, где сейчас твой бывший партнёр, то это он.

Эйра кивнула. Внутри всё сжалось. Она не хотела идти. Не хотела надевать платье. Не хотела улыбаться людям, которые торгуют живыми. Но другого пути не было.

— Мне нужно платье, — сказала она.

— Уже есть. — Ашер кивнул в сторону кровати. — Лисса оставила. Она знала, что ты придёшь.

Эйра обернулась. На кровати лежало платье. Чёрное. Длинное. С открытой спиной. Ткань была дорогая — шёлк, расшитый серебряными нитями. Оно выглядело так, будто его шили для королевы. Или для жертвы.

— Лисса знала, что я приду? — переспросила Эйра.

— Лисса знала многое. Поэтому её и убили.

Особняк Ваэрона стоял на холме в центре Кар-Анны. Три этажа, колонны, витражи. Вокруг — сад с розами. Настоящими. В городе, где цветы не росли. Это говорило о многом.

Эйра вышла из кареты. Платье облегалo её, как вторая ко-

жа. Волосы она собрала в высокую причёску — Ашер помог, молча, без комментариев. Его пальцы в её волосах были тёплыми и быстрыми. Он знал, что делал. Она не спрашивала, откуда.

Ашер был в чёрном костюме. Строгом. Дорогом. Он выглядел как человек, который привык к таким местам. Эйра посмотрела на него и снова подумала: кто ты на самом деле?

— Готова? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо. Значит, всё пройдёт как надо.

Он предложил ей руку. Она взяла.

Узы дрогнули — тепло, знакомо. Она привыкла к этому. К его близости. К тому, что он рядом. Это пугало больше, чем всё остальное.

Внутри особняк был ещё роскошнее. Хрустальные люстры, мраморные полы, музыка. Гости — в масках. Не буквальных, хотя некоторые были и в них. Металлических. В кружевных. В человеческих лицах. Здесь играли в игру, где никто не показывал настоящего себя.

Эйра и Ашер вошли. Музыка не прервалась. Никто не обернулся. Но она чувствовала взгляды. Скользящие. Оценивающие. Голодные.

— Не отходи далеко, — сказал Ашер, наклонившись к её уху. — Узы не позволят. Но и ты не позволяй.

— Я не собираюсь.

— Собираешься. Ты всегда собираешься. — Он чуть улыбнулся. — Просто помни: здесь каждый — враг.

Они разошлись. Ашер — к группе мужчин у бара. Эйра — к женщинам у окна. Она слушала разговоры. Смех. Сплетни. Имена. Ничего полезного. Пока не услышала.

— ...Ваэрон сегодня ждёт гостя. Особого.

— Кого?

— Того, кто привёл Узы в этот город. Того, кто создал их. Говорят, он вернулся.

Эйра замерла. Сердце ударило в горло.

— Кто он?

— Никто не знает. Но Ваэрон его боится. А Ваэрон не боится никого.

Женщины засмеялись. Эйра отошла. Нашла Ашера взглядом. Он смотрел на неё. Уже знал. Узы передали её тревогу.

— Ты слышала, — сказал он, когда она подошла.

— Да. Он здесь. Рэн. Сегодня.

— Возможно. Или это ловушка.

— Всё здесь ловушка.

— Согласен. — Он взял два бокала с подноса проходящего слуги. Протянул ей один. — Пей. Но не всё. И не расслабляйся.

Она взяла бокал. Вино было красным, густым, как кровь. Она отпила глоток. Потом ещё. Жар разлился по телу. Узы отозвались — теплом. Ашер смотрел на неё.

— Что? — спросила она.

— Ты красивая, — сказал он. Просто. Без комплимента. Как факт.

— Это вино говорит.

— Это я говорю.

Она отвела взгляд. Не потому, что не хотела слышать. Потому что хотела слишком сильно.

Музыка сменилась. Медленная. Тягучая. Пары вышли в центр зала. Эйра смотрела на них. На то, как они держатся. Как касаются. Как смотрят друг на друга. Как будто между ними нет ничего — ни боли, ни прошлого, ни Узов.

— Потанцуем? — спросил Ашер.

— Что?

— Потанцуем. — Он поставил бокал на подоконник. — Мы здесь, чтобы сливаться. Танцевать — это сливаться.

— Я не умею.

— Я тоже. — Он протянул руку. — Но это неважно. Просто держись за меня.

Она взяла его руку. Он вывел её в центр зала. Пары расступились — чуть-чуть. Достаточно, чтобы они встали. Музыка подхватила их.

Он положил руку ей на талию. Она — на его плечо. Другая рука — в его руке. Близко. Слишком близко. Узы загудели.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Здесь холодно.

— Здесь жарко.

Они двинулись. Медленно. Не по правилам. Просто —

друг с другом. Эйра не смотрела на ноги. Смотрела на него. На его глаза. На то, как в них отражается огонь свечей. На то, как он смотрит на неё. Как будто она — единственное, что имеет значение.

— Если бы мы встретились в другой жизни... — начал он.

— Мы встретились в этой, — перебила она. — И это уже слишком много.

— Слишком много?

— Слишком. — Она сжала его плечо. — Я не должна была. Ты не должен был. Мы не должны были.

— Но мы здесь.

— Да. Мы здесь.

Он наклонился. Ближе. Его губы почти коснулись её уха. Она почувствовала его дыхание. Тёплое. Живое.

— Я хочу поцеловать тебя, — сказал он. — Прямо здесь. При всех.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что тогда я не смогу остановиться.

Он отстранился. Чуть-чуть. Достаточно, чтобы увидеть её глаза.

— А если я не хочу останавливаться?

— Тогда мы оба пожалеем.

— Я уже жалею. Обо всём. О том, что встретил тебя. О том, что не встретил раньше. О том, что не могу уйти. О том, что не хочу уходить.

Она узнала эти слова. Свои слова. Из той ночи. Он запомнил. Он повторял их. Для неё.

— Ашер...

— Я знаю. — Он прижал её крепче. — Я знаю.

Музыка закончилась. Они остановились. Стояли. Смотрели друг на друга. Вокруг — люди. Маски. Шёпот. Но для них — только тишина. И Узы. Которые горели.

— Поцелуй меня, — прошептала она.

Он поцеловал.

При всех. При всём зале. При всём городе. Это был не тот поцелуй, что прошлой ночью. Не тихий. Не осторожный. Это был поцелуй человека, который перестал бояться. Который решил. Который выбрал.

Эйра ответила. Руки в его волосах. Тело к телу. Узы вспыхнули — ярко, обжигающе. Она слышала, как вокруг замолчали. Как кто-то ахнул. Как кто-то засмеялся. Ей было всё равно.

Потом он отстранился. Посмотрел на неё. В его глазах было что-то новое. Что-то, что она не видела раньше.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она замерла.

— Что?

— Я люблю тебя. — Он сказал это громко. Не шёпотом. При всех. — Я не хотел. Я не собирался. Но это правда. И я больше не могу молчать.

Эйра смотрела на него. Внутри — буря. Узы пели. Сердце

билось. В голове — пустота. Только одно слово. Одно имя. Но не его.

— Я...

— Не говори, — перебил он. — Не сейчас. Просто знай. Это моё. Не твоё. Ты не должна отвечать.

Он отпустил её. Шагнул назад. Улыбнулся — грустно, тепло.

— Пойдём. Нам ещё нужно найти твоего Рэна.

Он повернулся и пошёл. Эйра стояла. Смотрела ему вслед. Узы тянули. Звали. Она не двинулась. Потому что не могла. Потому что в её голове было два имени. И она не знала, какое из них — её.

Потом она пошла за ним.

Потому что другого выбора не было.

Глава 7. Первая близость

Они не доехали до дома Лиссы.

Карета остановилась на полпути — Ашер постучал по крыше, и возница свернул к старому трактиру на окраине Кар-Анны. «Последний приют». Название было честным: сюда приезжали те, кто не хотел, чтобы их видели. Эйра не спрашивала, зачем. Она знала. Узы знали. Всё уже было решено — там, в бальном зале, когда он сказал «я люблю тебя» при всех, а она не ответила.

Он снял комнату. На втором этаже. Угловую. С окном во двор. Хозяин — старик с одним глазом — взял золото и не задал ни одного вопроса. Здесь не задавали вопросов.

Дверь закрылась.

Комната была маленькой: кровать, стол, свеча в железном подсвечнике. Стены — деревянные, тёмные от времени. Пахло воском и пылью. И тишиной. Такой, что звенело в ушах.

Ашер стоял у окна. Спина к ней. Плащ он снял ещё внизу, пиджак — здесь, бросил на стул. Рубашка была расстёгнута на две пуговицы. Он не смотрел на неё. И это было хуже, чем если бы смотрел.

— Ты не ответила, — сказал он.

— Я знаю.

— Я не требую.

— Я знаю.

Он обернулся. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня. Но глаза... глаза горели. Не страстью. Чем-то глубже. Чем-то, что Эйра боялась назвать.

— Тогда почему ты здесь? — спросил он.

Она не ответила. Просто подошла. Медленно. Шаг за шагом. Узы натягивались, гудели, пели. Она чувствовала его сердцебиение — быстрее, чем обычно. Чувствовала его страх. И его желание.

Она остановилась перед ним. Близко. Так, что между ними не осталось ничего, кроме воздуха. Воздуха, который был горячим.

— Я здесь потому, что не могу иначе, — сказала она. — Потому что ты — единственное, что я чувствую. Потому что когда ты рядом, я не одна. Потому что...

— Потому что что?

— Потому что я боюсь, что если я скажу это вслух, это станет правдой.

Он поднял руку. Коснулся её щеки. Медленно. Как в первый раз. Как будто проверял, настоящая ли она.

— Правда уже случилась, — сказал он. — Мы просто притворяемся, что это не так.

Она закрыла глаза. Прижалась к его ладони. Тепло. Знакомое. Её.

— Тогда перестань притворяться, — прошептала она.

Он поцеловал её.

Не так, как на балу. Не так, как в первую ночь. Это был поцелуй человека, который знает, что делает. Который знает, чего хочет. Который знает, что это — последняя ночь перед чем-то, что изменит всё. Его губы были настойчивыми, но не грубыми. Его руки легли ей на талию, притянули ближе. Она выгнулась. Неосознанно. Телом. Как будто её тело знало его лучше, чем разум.

Он расстегнул платье. Медленно. Пуговица за пуговицей. На этот раз — глядя ей в глаза. Она не отводила взгляда. Пусть видит. Пусть знает. Пусть запомнит.

Шёлк соскользнул на пол. Следом — бельё. Она осталась перед ним — обнажённая, уязвимая, но не сломленная. Он смотрел. Долго. Так, как смотрят на что-то, что могут потерять в любой момент.

— Ты красивая, — сказал он. Не как комплимент. Как молитву.

— Ты говорил это на балу.

— Это не перестало быть правдой.

Он снял рубашку. Через голову. Быстро. Она увидела его шрам — снова. Длинный, от плеча до бедра. И ещё один — на рёбрах. И ещё — на спине, когда он повернулся. Он был весь в шрамах. Как карта чужой боли.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Жизнь, — сказал он. — И люди. В основном люди.

Она коснулась пальцами шрама на его груди. Провела по нему. Медленно. Он вздрогнул. Закрыв глаза.

— Больно? — спросила она.

— Нет. Уже нет.

— А если я сделаю так?

Она наклонилась. Поцеловала шрам. Он выдохнул. Судорожно. Как человек, который тонул и наконец глотнул воздуха.

— Эйра...

— Не говори ничего. Просто... просто будь здесь.

Он поднял её на руки. Она обвила его ногами. Он донёс её до кровати. Опустил. Медленно. Как что-то хрупкое. Как что-то драгоценное. Он лёг сверху. Не давя. Просто — рядом. Близко. Кожа к коже.

Он целовал её. Долго. Везде. Шею. Ключицы. Грудь. Живот. Каждый поцелуй — как клеймо. Как обещание. Как прощание. Она запуталась пальцами в его волосах. Дышала. Не могла думать. Не хотела думать. Только чувствовать.

Когда его рука скользнула между её бёдер, она вскрикнула. Тихо. Судорожно. Он замер.

— Больно?

— Нет. Продолжай.

Он продолжил. Медленно. Пальцы двигались внутри неё — ритмично, настойчиво. Она выгибалась. Хватала простыни. Шептала его имя. Он смотрел на неё. Не отрываясь. Как будто хотел запомнить каждую секунду.

— Скажи, что хочешь меня, — прошептал он.

— Хочу.

— Скажи, что ты моя.

— Я... — она запнулась. Потом, тихо: — Я твоя.

Он вошёл в неё.

Медленно. Так, чтобы она почувствовала каждый миллиметр. Она вскрикнула. Громче, чем в первый раз. От узнавания. От полноты. От того, что он был внутри — не только телом. Узами. Душой.

— Тише, — прошептал он. — Я здесь.

— Я знаю. — Она вцепилась в его плечи. — Я знаю.

Он двигался. Медленно. Ритмично. Каждый толчок — глубже предыдущего. Она обвила его ногами. Притянула ближе. Он застонал. Гортанно. Животно. И этот звук отозвался в ней чем-то древним. Чем-то, что спало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.